

Лицо и маски

Маски новостей - 2006-25-31 авг. с.32

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Евгений ГУСЯТИНСКИЙ

«Такеси Китано. Детские годы» — вторая книга Антона Долина, выпущенная в авторитетном издательстве НЛО. Первую он посвятил Ларсу фон Триеру, пожалуй, самому сложному и парадоксальному персонажу современного кино и актуального искусства. На этот раз в центре внимания — художник с азиатского континента, значимый для восточной культуры не меньше, чем фон Триер — для культуры западной. Автор собрал достаточно информации, чтобы осветить и осмыслить те стороны Китано, которые мало изве-

стны широкой публике. «Закулисные» ипостаси режиссера — его потогонная работа комиком в японском кабаре и дальнейший успех на телевидении, его детское увлечение спортом и взрослая страсть к живописи, этапы его внутреннего и артистического становления точно и ненавязчиво связываются с кинематографом мастера. Они рассматриваются как параллели и перпендикуляры к фильмам Китано, помогая обосновать неслучайность их сквозных сюжетов и мотивов.

Ключом к его творчеству служит образ вечного, невзрослеющего ребенка, со смехом и бесстрашием, свободно и всерьез играющего в различных культурных героях и способного в любой момент вый-

ти из игры или неожиданно сменить амплуа. Композиционно книга составлена как перечень этих игр, как анализ традиционных масок Китано, среди которых — самурай, якудза, полицейский, клоун... Авто-

ру удастся пробиться сквозь эти клише японской и мировой культуры, детально показать их генеалогию, развитие и деформацию. Непредсказуемого Такеси Китано, чье лицо наполовину парализовано и оттого похоже на статичную маску, автор сознательно и смело принимает на веру — особенно это касается его «ребячливости» и «детского взгляда на мир». Конструктивный парадокс книги в том, что «детскость» художника постепенно предстает не лицом, но еще одной маской Китано, а фигура ребенка — еще одной ролью (возможно, главной), которую он играет. Анализ в книге счастливо далек от самодовлеющей интерпретации, зачастую навязывающей предмету чуждые ему качества. Автор больше объясняет, чем трактует, предпочитая в ином случае остаться в тени. Если банальным образом уподобить

Китано японскому иероглифу, можно сказать, что Долин как бы поворачивает иероглиф ребром. Такой ракурс позволяет проследить, как в Китано скрещиваются Восток и Запад, телевизионный шоумен и высокий кинематографист, разухабистый комик и тончайший трагик, нежность и жестокость, музыкальный лиризм и визуальная экспрессия. Осторожный субъективизм автора проявляется в изначальной влюбленности в героя. Взгляд и концепция не претендуют на окончательность и истинность, не стремятся стать вровень с философией Китано или, того хуже, эту философию дополнить либо усовершенствовать. Такое сдержанное, почти академическое, почтение во многом искупает те «невыполненные обязательства» (незнание японского, отдаленность источника и пр.), с которых Долин честно начинает свою книгу. ■